

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Авдеева Г.А.

¹ Нижнетагильский социально-педагогический институт, филиал УрГПУ

Лексико-стилистические особенности речи нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет»

Аннотация: в статье анализируются лексико-стилистические особенности речи основных нарраторов (Ксении Лесовой и Ксении Левшиной) в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет». Выделяются наиболее значимые группы стилистически окрашенной лексики; а также анализируется речь повествователей с точки зрения использования лексических средств выразительности. Обращается внимание на активное включение сниженной, разговорной и просторечной, лексики в речь каждого из рассказчиков, что обусловлено дневниковой формой повествования (передача особенностей устной речи); а также на наличие определенных групп терминов, в частности, минералогической терминологии, что обусловлено профессиональной деятельностью героев произведения. Отмечается, что для речи Ксаны как ведущего нарратора характерен большой полифонизм, языковое разнообразие, активное использование образных средств, склонность к языковой игре, а также к рефлексии в более поздних записях (2017 года). Язык дневников Ксении Михайловны тоже отличается разнообразием, но несколько уступает в выразительности, кроме того, становится более сухим, протокольным в поздних записях. Наиболее значимым оказывается взаимодействие двух линий повествования, которое особенно проявляется в размышлениях Ксении Лесовой о судьбе Ксении Михайловны Левшиной.

Ключевые слова: стилистически окрашенная лексика, лексические средства выразительности, нарратор / рассказчик / повествователь, роман Анны Матвеевой «Каждые сто лет»

Для цитирования: Авдеева Г.А. Лексико-стилистические особенности речи нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 79 – 86.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Avdeeva G.A.

¹ Nizhny Tagil Social and Pedagogical Institute,
branch of Ural State Pedagogical University

Lexical and stylistic features of the narrator speech in the Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years"

Abstract: the article analyzes lexical and stylistic features of the speech of the main narrators (Ksenia Lesova and Ksenia Levshina) in Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years". The most significant groups of stylistically colored vocabulary are identified; and the narrators' speech is analyzed from the aspect of using lexical means of expression. Attention is drawn to the active inclusion of reduced, colloquial and vernacular vocabulary in the speech of each of the narrators, which is due to the diary form of narration (conveying the oral speech features); as well as the presence of certain groups of terms, in particular, mineralogical terminology, which is due to the professional activities of the characters in the work. It is noted that Xana's speech as a leading narrator is character-

ized by greater polyphony, linguistic diversity, active use of figurative means, a tendency to lingual game, as well as reflection in later recordings (2017). The language of Ksenia Mikhailovna's diaries is also diverse, but it is somewhat inferior in expressiveness, and it also becomes more dry and protocol-like in later entries. The most significant is the interaction of the two narrative lines, which is especially evident in Ksenia Lesova's reflections on the fate of Ksenia Mikhailovna Levshina.

Keywords: *stylistically colored vocabulary, lexical means of expression, narrator / storyteller, Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years"*

For citation: Avdeeva G.A. Lexical and stylistic features of the narrator speech in the Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 79 – 86.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: August 06, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Современная художественная литература использует разнообразные способы построения текста, в том числе новые формы, нетривиальные структуры. В художественном произведении важны не только события, о которых в нем рассказывается, но и само «событие рассказывания», поэтому авторы часто прибегают к дневниковой форме повествования, а также к различным сложным композиционным формам с использованием нескольких рассказчиков-нарраторов. Примером может служить роман Евгения Водолазкина «Чагин». Значительный вклад в изучение повествовательной структуры художественного текста внесла работа В. Шмида, автор которой выделил разнообразные типы нарраторов [13]. Мы уже обращались к анализу различных типов нарраторов в произведении Е. Водолазкина «Чагин» [3]. В данной статье нас интересуют не столько типы нарраторов, представленные в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет», сколько их речевая характеристика, в частности, лексический уровень, поскольку он является базовым для раскрытия языковой личности.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом филологии к изучению языка современной литературы, в том числе в аспекте анализа речевой организации, особенностей повествовательной структуры текста. Новизна заключается в системном анализе лексико-стилистических особенностей нарраторов (рассказчиков) на материале одного из последних романов Анны Матвеевой. Возможность использования материалов данной статьи при анализе текстов современной художественной литературы, в частности произведений Анны Матвеевой, обуславливает ее практическую значимость.

Цель данной статьи – проанализировать особенности речевой организации основных нарраторов (Ксении Лесовой и Ксении Левшиной) в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» на лексико-стилистическом уровне; выявить общие и отличительные особенности. Данная цель обусловила и частные задачи исследования: выявить наиболее актуальные с точки зрения стилистической окраски группы лексики в речи каждого из основных нарраторов (Ксана и Ксения); а также проанализировать речь с точки зрения использования лексических выразительных средств.

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования послужили труды ученых, занимающихся вопросами стилистики, стилистической окраски языковых единиц, а также их функционированием в художественном тексте, в частности, М.Н. Кожиной [8], И.Б. Голуб, [7], А.Е. Волковой [6] и др. Кроме того, мы опираемся на основные идеи В. Шмида в понимании термина «нарратор», представленные в указанной уже ранее работе [13]. Следует обратить внимание и на особый интерес исследователей к такой литературной жанровой форме как дневник, которая находит отражение в анализируемом произведении. См., например, работу [10]. Мы уже обращались ранее к изучению различных типов нарраторов, а также к лексико-стилистической составляющей речи персонажей и рассказчиков в художественном произведении [1-3]. Основные методы исследования: наблюдения, описания, семантико-стилистического и контекстуального анализа.

В качестве материала исследования был выбран роман «Каждые сто лет» Анны Матвеевой, творчество которой в последнее время все больше привлекает внимание читателей и исследователей, в том числе и указанное произведение. См., например, работы [4, 11]. Выбор данного произведения обусловлен его содержанием и жанровыми особенностями. Жанр обозначен автором как «роман с дневником». Роман содержит две сюжетные линии, причем обе представлены в форме дневников. При этом линия Ксении Михайловны Лёвшиной основана на реальных дневниках бабушки Анны Матвеевой, которой она и посвятила свое произведение. Конечно, сама Анна Александровна в многочисленных интервью говорила, что она

многое дописала, изменила, сократила. Понятно, что это не абсолютно документальная проза, тем не менее, для изучения речевой организации данного текста интересен анализ взаимодействия документальной и художественной составляющей. Другая линия полностью вымышленная, хотя и она не исключает наличия прототипов некоторых героев. История Ксаны написана захватывающе, включает даже элементы детектива. Многие из читателей отметили, что дневник Ксаны (ложной внучки Ксении Левшиной) читается с большим интересом, чем дневник собственно Ксении Левшиной. В дальнейшем мы будем называть нарраторов, как они обозначены в романе: Ксана (Ксения Лесовая) и Ксения (Левшина).

Включение элементов реальных документов и фрагментов настоящих дневников Ксении Михайловны в художественное произведение с вымышленными героями создает своеобразный эффект. Документ уже перестает восприниматься как реальный факт [4]. Отсюда и жанр «роман с дневником», а не «роман-дневник». Ксения Левшина пишет свой интимный дневник, но оказывается персонажем истории, которую выстраивает Ксана, которая в свою очередь «пишет» собственную жизнь: произведение включает и непосредственно дневник Ксении Лесовой, и ее воспоминания о прошлом, причем в некоторых главах героиня пишет о себе в третьем лице. В конце концов, в романе даже появляется и сам автор Анна Матвеева, которой Ксана должна передать дневники своей «ложной бабушки».

Результаты и обсуждения

Проанализировав текст романа Анны Матвеевой, мы можем констатировать, что оба основных нарратора обладают яркими речевыми особенностями, но все же языковой портрет Ксаны как рассказчицы и персонажа оказывается более интересным, разнообразным, поэтому ему мы больше уделим внимания. Это вполне может быть объяснимо тем, что это героиня вымышленная; ее дневниковые записи являются более «художественными», линия Ксаны более беллетризованная, насыщена разнообразными событиями, что мы уже отметили ранее.

Отметим, что по классификации В. Шмида оба нарратора (и Ксана, и Ксения) эксплицитные, диегетические (то есть в основном включенные в действие, кроме тех случаев, когда Ксана домысливает содержание дневника Ксении либо сама пересказывает события жизни Ксении Левшиной), первичные, личные, объективные / субъективные (в разных ситуациях), внутринаходимые, надежные.

Обратимся к анализу лексико-стилистических особенностей речи Ксаны. Сразу отметим, что Ксения Лесовая, как собственно и Левшина, является одновременно и нарратором, и персонажем произведения, поэтому в некоторых случаях этих субъектов сложно разделить. Как нарратор Ксения передает речь, высказывания других персонажей, отсюда и полифонизм, и лексическое разнообразие.

В первую очередь следует отметить преобладание лексики сниженного регистра: разговорной, просторечной, жаргонной. Само имя нарратора Ксана носит явно снижено-разговорный характер. Преобладание данных групп лексики обусловлено жанровыми особенностями дневниковой прозы, желанием автора передать живую, необработанную речь. «Структура фразы, особенности лексики аналогичны устной речи, что создает темпоритм живой интонации» [11, с. 109].

В большей степени представлена разговорная лексика, в том числе и обладающая эмоциональной окраской, положительной или отрицательной оценочностью: промокашка, дворяночка, чертыхнула, психушка, биполярка (биполярное расстройство), алкоголичка, велик и др.; а также просторечная на фиг, дебил, чокнулся, рехнулся, дурдом и т.п. Больше тяготеют к жаргонной характеристике такие единицы, как учебка, Афган, косильщики от армии и подобные. Явно жаргонный характер носит, например, слово ромгерм, которое вне контекста вообще непонятно: «Поступила на ромгерм, уехала в Париж, получила европейский диплом» [9, с. 201], то есть поступила на романо-германское отделение. (Выделения курсивом в тексте романа в дальнейшем мои, кроме особо отмеченных случаев – А.Г.). Следует особо выделить случаи использования языковых единиц, которые могли изменить свою стилистическую окраску в последние десятилетия развития русского языка. Так в одной из записей Ксаны за 1989 год присутствует слово «совок», правда, в передаче речи другого персонажа: «Ринат говорит: я не людей обманываю, а долбаный совок» [9, с. 417]. Речь идет о конце 80-х. Слово «совок» было зафиксировано словарями жаргона в начале 90-х, а популярность приобрело гораздо позже и соответственно повысило стилистический статус (стало восприниматься как разговорное). По крайней мере, с такой пометой оно представлено в Толковом словаре современного русского языка: «Совок, Разг. Неодобр. 1. О Советском Союзе, советском строе. 2. О чем-либо свойственном Советскому Союзу. 3. О советском человеке» [12, с. 737]. В контексте слово означает недалеких людей, видимо, не принимающих изменения, происходящие в стране.

Интересно также включение слов, которые в целом носят разговорно-сниженный характер, но являются индивидуальными (окказиональными) лексемами, что подчеркивается в контексте: «Я смотрела на кучу купюр, похожих на опавшие листья. Красные «пятиштучки» (Ирино слово) и голубоватые тысячные» [9]. В ре-

чи Александры Петровны Ксану удивляет слово «поярчела». «А это что еще за слово? Раньше я была менее яркой?» [9, с. 288].

Достаточно много и книжной лексики представлено в той части романа, где в качестве нарратора выступает Ксана. В основном это терминологическая лексика трех групп: геологическая терминология, ботаническая и медицинская. Первые две группы лексики связаны с профессиональной деятельностью родителей Ксаны. Отец занимался геологией, даже точнее – минералогией, отсюда так много названий минералов, причем иногда экзотических. «Отсюда и взялись на Урале раковины аммонита – головоного моллюска... замечая, как родонит похож на окорок, ортоклаз – на кирпич, а селенит – на свечной огарок... кое-что я успела запомнить, например, что древнейшая горная порода на Урале называется израндит (выделено у автора!) и ей два миллиарда лет...» [9, с. 117]. «Вот он, мой старый знакомец: роговообманковый габбропегматит с тулитутированным плагиоклазом! Мы с Димкой как-то на спор выучили название наизусть и папа, услышав, как бойко мы тарабаним непронизносимое имя этого минерала, похожего на испорченную ветчину, хохотал от всей души! Димка, впрочем, говорил ‘плакиоглаз’» [9, с. 652-653]. Данный фрагмент интересен тем, что наукообразное название минерала помещается в другой стилистический контекст, не научный, а разговорный (и даже – игровой). Для героини-нарратора непронизносимое название минерала становится источником своего рода игры с братом. Контекст иллюстрирует важную речевую особенность Ксаны, на которую мы еще обратим внимание в дальнейшем: склонность к использованию ярких выразительных средств (метафор, сравнений и др.), а также к языковой игре. Оговорка Димы – своего рода анаграмма, проявление народной (ложной) этимологии: ‘плакиоглаз’ – плачущий глаз, запоминающийся образ, в отличие от исходного бессмысленного набора букв / звуков.

Геологически-минералогическая лексика присутствует в романе и в связи с родом деятельности другого персонажа, который связан с линией Ксении Левшиной, ее мужа Константина Матвеева. Его образ появляется не только в дневнике Ксении, но и Ксаны, особенно в последней части романа. Ксения Лесовая анализирует жизнь своей псевдобабушки и дает нелестную оценку Константину Матвееву. Безусловно, он выдающийся ученый, но его поведение как мужа и отца вызывает недоумение и возмущение. (Создал вторую семью, не разведясь с первой женой; позже бросил и Ксению с детьми ради юной любовницы. Немаловажно и то, что Матвеев так и не оформил официально брак с Ксенией, хотя прожил с ней более 20 лет). Но удивительно, что само открытие ученого Матвеева нарратор и персонаж Ксана соотносит с личными качествами человека Матвеева. «Именно там, близ села Вереино, он впервые обнаружит таинственные *cone-in-cone* – образцы бутоминозных мергелей, представляющих собой «явление нарушенной кристаллизации». Эти загадочные структуры... напоминали собой как бы вставленные одна в другую пирамидки и конусы (второе название – «фунтиковая структура»)» [9, с. 682]. Повествователь замечает, что почти все время Матвеев занимался этим явлением, возвращался к нему. Ксана проводит интересную параллель с трактатом Стендаля «О любви», в котором автор пишет о процессе «кристаллизации любви», и явлением, открытым Матвеевым: «...если подумать, *cone-in-cone* Матвеева и зальцбургская ветка Стендаля имеют между собой кое-что общее. Что одним, что другим кристаллам не было дело до того, где именно расти и как видоизменять случайно избранный объект. Любовь Ксенички к своему невенчанному мужу было настоящей, зримой, доказуемой. Как фундамент – пусть его не видно, но на нем все держалось. Любовь К.К. напоминала хрупкие недолговечные кристаллы, выросшие по случаю, где пришлось» [9, с. 683]. Мы видим, как в речи повествователя научное явление становится основой для создания яркого образа, точно характеризующего поведение персонажа.

Ботаническая лексика – это область интересов матери Ксаны. «А потом мама шла домой, готовила ужин, гладила белье, проверяла у нас уроки и садилась писать свою вечную диссертацию про кладодии и филлокладии редких видов деревьев – объект постоянных папиных шуток» [9, с. 391]. Дима даже однажды пошутил на тему того, что может быть общего у его родителей (один изучает камни, другая – деревья): «общим может стать окаменевшее дерево» [9, с. 391].

Что касается медицинской терминологии, то ее появление в тексте романа, в дневнике Ксаны, обусловлено двумя причинами: психическим заболеванием сына Дмитрия – Андрея (явно жертвы плохой генетики со стороны матери), о котором больше всех заботиться Ксана, а также ее профессиональной деятельностью: Ксана сопровождает как переводчик людей в медицинских учреждениях (русскоговорящих за границей). «Доктор был высокий, знающий, равнодушный. Говорил про кетаминные капельницы, нейромодуляции и танскраниальную магнитную стимуляцию» [9, с. 175]. «Синдром ундины, вот как называется ваша болезнь. Официально – синдром врожденной центральной гиповентиляции» [9, с. 223].

Другие терминологические группы представлены небольшим объемом лексики. Например, юридическая терминология (в связи с судебным процессом после попытки суицида Андрея, в результате которой погиб

другой человек): «хабеас корпус» – ключевое понятие британского права; искусствоведческая или полиграфическая: «Лучше бы в Русский музей сходила или в кино, чем просиживать штаны над неподъемным увражем...» (о работе в архиве). «Увраж (фр. «работа, труд, произведение) – роскошное художественное издание большого формата, обычно состоящее из гравюр» [5, с. 680].

Наибольший интерес представляют случаи нарочитого столкновения слов разной стилистической окраски и семантики. Обратимся к примеру. Описывая свое пребывание в качестве компаньонки некоей Влады, Ксана обращает внимание на слово «велик». «– Сегодня поедem купаться, сказала Влада. – Умеешь на велике? Ксана чуть не поперхнулась чаем. Во-первых, велосипед – велик! – совершенно не подходил холеной красавице Владе – ей бы карету или в крайнем случае кабриолет. Во-вторых, Ксана после приснопамятных уроков с мамой ни разу не пыталась оседлать двухколесное чудовище» [9, с. 247]. Данный фрагмент ярко иллюстрирует особенности речи повествователя. Мы видим и стилистический контраст разговорного велика и книжной устаревшей лексики – приснопамятных (уроков); и семантический контраст того же велика и кареты/кабриолета, а кроме того, обнаруживается склонность Ксаны к включению в речь ярких образных средств: сравнений, метафор, эпитетов. И все это, безусловно, способствует созданию иронии. Действительно, претенциозная Влада, сорящая деньгами, готовая лечь под нож хирурга ради омоложения, никак не вяжется с образом человека, готового кататься на велосипеде / велике.

Образность речи Ксаны объясняется ее филологическим образованием. В конце концов, она и работает переводчиком и в финале романа готова написать книгу, которую собственно уже и написала. «Вот оно мое счастье – искать слова, вставлять в них пропущенные буквы, а, соединяя слова, следить, чтобы за ними вставали живые люди, и жить в мире этих людей, важных столько же, сколько те, кто действительно рядом. Или даже важнее» [9, с. 756]. Ксана использует точные и лаконичные сравнения, эпитеты, метафоры, дающие оценку какому-то явлению, человеку. См., например, приведенный ранее фрагмент о «нарушенной кристаллизации» как метафоре неспособности К. Матвеева на настоящее чувство. Не менее точно характеризует Ксана Петербург, точнее формулирует свое восприятие этого города-музея: «Можно не любить Петербург (Ксана не любила), но не признавать его красоту – немислимо. Была, правда, в этой красоте фальшь качественной подделки. Картонная, раскрашенная прелесть театрального задника – ни в Париже, ни в Риме таких мыслей не возникает, а здесь даже во рту почему-то бумажный привкус» [9, с. 341-342].

Но особо следует отметить склонность этого нарратора к стилистическому контрасту, смешению разнородных языковых единиц, языковой игре. «Куришь, кстати, ее научила Тараканова – бездонный кладезь дурных привычек» [9, с. 199]. Устаревшее и поэтическое слово кладезь явно контрастирует с «дурными привычками» и стилистически, и семантически. При этом Ксана фиксирует интересные случаи языковой игры в речи родных и знакомых, то есть как настоящий писатель собирает своего рода языковой материал. «Варя вернулась из Прибалтики, как сказал Дима, вся прибалтненная» [9, с. 50]. Окказионализм прибалтненная – явный пример контаминации: прибалтненная + Прибалтика. Периодически появляется и колесо обозрения (вместо обозрения). Даже свои оговорки Ксана фиксирует: «Я клялась, как умела, что никогда в жизни не потеряю пионерского галстука и буду беречь его как десницу ока. Тут директор захохотал» (лексическая трансформация фразеологизма как зеницу ока). Ксана также часто отмечает языковую игру и в речи Таракановой: «Когда им в восьмом классе преподавали «Общий уход», Княжна заявила: – Общий уход – это если мы все встанем и уйдем отсюда на фиг» [9, с. 214]. В данном случае мы видим яркий пример семантической интерференции.

Подводя итоги наблюдения над лексико-стилистическими особенностями речи основного нарратора романа, следует обратить внимание на то, что Ксана – наиболее сложный повествователь в этом произведении. В первой части мы видим непосредственный дневник, фиксирующий текущие события. Это дневник подростка. Здесь в основном наблюдения, мало анализа. Повествование ведется от 1 лица. Во второй части романа, которая хронологически сильно отдалена от первой (последняя запись в дневнике Ксаны за 1989 год, первая во второй части датирована августом 2017), повествование уже ведется от 3 лица. При этом повзрослевшая Ксана периодически обращается к старому дневнику, который продолжает сюжетную линию, оборванную в финале первой части. Вставки так и маркируются: «Старый дневник Ксаны. Свердловск, май 1987 г.» и т.п. Ксана 2017 года постоянно рефлектирует и по поводу своего прошлого (рассказ о семейных трагических событиях конца прошлого века содержится не только в записях старого дневника, но и в новом дневнике), и по поводу жизни Ксении Левшиной, и в целом размышляет о языке, литературе, искусстве и других категориях. «Вот пример такой рефлексии Ксаны: «– Самолет буквально только что приземлился, – сказала Наташа. Любои русский человек выразился бы проще – сел (курсив автора). Удивительно, как костенеет родной язык вдали от своей естественной среды – эмигранты увозят его с собой в том состоянии, какое он имел на момент отъезда, а дальше родная речь медленно мумифицирует» [9, с. 211].

Рамки статьи не позволяют так же подробно проанализировать речевой портрет другого основного нарратора – Ксении Левшиной, поэтому ограничимся общими наблюдениями. В первую очередь следует отметить наличие устаревшей лексики (с точки зрения современного читателя), поскольку первые дневниковые записи Ксении были сделаны еще в конце XIX века: первая запись датирована маем 1893 года. Можно выделить наличие как историзмов, например, ландо, так и в наибольшей степени архаизмов: диэ́та (фонетический архаизм), кухмистерская (столовая), инфлюэ́нца и др. «... я не могла оторвать глаз от дивной пелерины: – Что это? – Сорти-де-баль, – разъяснила мама, – его надевают на плечи, когда бал кончается, чтобы не простудиться при разборе шуб» [9, с. 103].

В целом для ранних дневниковых записей Ксении Левшиной характерно сочетание высокой (часто – устаревшей) и сниженной разговорной лексики: «Начиная вести дневник, я думала о том, что сперва следует рассказать об истории нашего рода... Имею ли я основание вести дневник или для сего нужно быть выдающимся, необыкновенным человеком?» [9, с. 16]. Активно представлены иноязычные вкрапления, что характерно для речи дворян конца XIX века. Кроме того, семья Ксении какое-то время проживала за границей, в Лозанне (см., например, перечисление названий гор на стр. 195).

Так же, как в дневнике Ксаны, в записях Ксении активно представлена сниженная разговорно-просторечная лексика, что обусловлено тенденцией к передаче устной непринужденной речи: пригото́вишка, ду́рнушка, затрапе́зное (платье), хворал, дети́шки, охо́ч (до женского пола), соше́лся, обзаве́лся (любовницей), «псих» (о человеке с психическими отклонениями, у автора слово взято в кавычки) и т.п. Много имен собственных, представляющих собой разговорные смягченные варианты: Геничка, Санчик, Ксени́чка и т.п. Особо следует отметить ласковое прозвище, которое Ксени́чке дали сестры Лако́мб – Па́мпуш. «Это прозвище Ксени́чка сама себе накликала... сболтнула заимствованное у Гоголя слово «пампушки». – Как-как? Pamrouche? Теперь ты у нас будешь Па́мпуш» [9, с. 282-283]. Часть лексем носит при этом устаревший характер: «Евгения Яковлевна ласково звала его заскребы́шkom» [9, с. 17]. Речь идет об отце Ксении, который был последним тринадцатым ребенком. Можно обнаружить и некоторые индивидуальные словоупотребления, но их меньше, чем в дневнике Ксаны: музейские (вместо узуального «музейные»), дикаря́та и некоторые другие.

В дневнике Ксении также присутствует и книжная лексика, в том числе и та сама минералогическая терминология, что вполне логично, поскольку гражданский муж Ксении занимается научной деятельностью, в частности минералогией. Но в целом все-таки в своем дневнике Ксения чаще фиксирует бытовую сторону жизни. Даже какие-то глобальные события, происходящие в стране, упоминаются вскользь. И чем ближе к концу романа, тем записи становятся более сухими, краткими. И общее настроение их мрачное. Муж не ценит Ксению, уходит к молодой любовнице, а потом от этой любовницы еще и к другой. Дети также не проявляют особой любви к матери, стыдятся ее. В конце жизни Ксения Левшина практически остается одна (притом, что у нее много детей). Заботиться о ней жена погибшего сына Андрея, который, по мнению Ксении Михайловны, единственный и любил мать по-настоящему. Показательно название предпоследнего фрагмента записей Ксении – «Под знаменем напрасно прожитой жизни». Перед этой записью следует подборка писем Андрея с фронта. И непосредственно последняя вставка дневника Ксении Михайловны и начинается фразой «Это уж точно мой последний дневник» [9, с. 731].

Можно отметить, что записи Ксении в целом отличаются большей сухостью, «дневниковостью», по сравнению с дневником Ксаны разных лет. Даже использование образных средств носит более сдержанный характер. Ксения прибегает чаще к общеупотребительным метафорам: «Лед был сломан, казенная улыбка исчезла» [9, с. 283]. Но, конечно, описание зарождающегося чувства по отношению к Константину Матвееву в третьей части романа очень отличается от описания последующих драматических событий в жизни Ксении. Интересно, что в третьей части романа в дневниковых записях Ксении Левшиной повествование ведется от 3 лица. Нарратор как бы отстраняется от героини, но при этом все-таки фиксирует события через призму ее восприятия. Ксения не слышит все предупреждения о своем возлюбленном, даже когда узнает о наличии у него семьи далеко на Урале.

Подводя итоги наблюдениям, можно сделать выводы о том, что лексико-стилистические особенности речи основных нарраторов в романе имеют как общие черты, обусловленные самим жанром дневника (влияние устной речи, фиксация текущих событий, как правило, бытовых, частных), так и различные. Но наибольший интерес для исследователя представляет взаимодействие двух сюжетных линий, историй жизни, взаимодействие документальной и художественной составляющей. Так юная Ксана начинает писать собственный дневник под влиянием случайно найденных записей Ксении Михайловны. Повзрослевшая Ксана не просто перечитывает дневники Ксении Левшиной, но и пытается как бы дописать их, реконструирует некоторые события, работая в архивах; в конце концов, она осмысляет события жизни Ксении Михай-

ловны, дает оценку поступкам ее мужа. «Роман с дневником, подзаголовок данный автором, можно интерпретировать не только как фиксацию наличия двух разнородных и разнофункциональных жанров, но и их взаимодействие, отношения, складывающиеся в пределах единого текста» [4, с. 18].

Выводы

Проанализировав лексико-стилистические особенности речи основных нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» (Ксаны и Ксении), мы пришли к следующим выводам.

- Отбор лексики в речи повествователей прежде всего обусловлен самим жанром дневника, выбранным автором. Отсюда преобладание лексики разговорной, просторечной, эмоционально окрашенной, на что обращают внимание и другие исследователи: «особенности лексики аналогичны устной речи, что создает темпоритм живой интонации» [11, с. 109].

- Наличие книжной лексики, особенно определенных терминосистем (в частности, минералогической), характерно для речи обоих нарраторов и обусловлено профессиональной деятельностью героев произведения, в частности, ключевого персонажа романа Константина Матвеева, а также отца Ксении Лесовой. Кроме того, следует отметить наличие устаревшей лексики в ранних дневниковых записях Ксении Левшиной, датированных еще концом XIX века.

- Для речи Ксаны как ведущего нарратора характерен большой полифонизм, языковое разнообразие, активное использование образных средств, склонность к языковой игре, а также к рефлексии в более поздних записях (2017 года). Язык дневников записей Ксении Михайловны тоже отличается разнообразием, но несколько уступает в выразительности, кроме того, становится более протокольным, сухим в более поздних записях. Эта тенденция поддержана и включением разного рода реальных документов. Кроме того, изначально читатель ориентирован на документальность линии Ксении Левшиной и «беллетристический», вымышленный характер линии Ксении Лесовой.

- Наиболее интересной нам представляется такая особенность речевой характеристики Ксаны (Ксении Лесовой) как ее доминирующая рефлексия (особенно в последних частях романа), когда нарратор анализирует события не только собственной жизни, но и практически чужого ей человека (Ксении Михайловны), с которой она ощущает глубинную связь. Не случайно произведение имеет подзаголовок «роман с дневником». Вот этот роман и пишет, и проживает Ксения Лесовая. Она как бы на глазах читателя на протяжении романа формируется как писатель. И особенно ярко ее индивидуальный стиль проявляется в тех случаях, когда повествование начинает приобретать более объективный характер. Так, например, размышляя о взаимоотношениях Ксении Михайловны и ее мужа, повествователь использует выразительный образ, который как бы «вырастает» из научной деятельности Константина Матвеева, но при этом ярко характеризует его как человека, не способного на глубокие чувства (см. приводимые ранее цитаты из главы «Уродливая кристаллизация любви»). Научный термин становится источником художественного образа. Документальная составляющая произведения (реальные дневники бабушки самой Анны Матвеевой), взаимодействуя с художественной линией Ксении Лесовой, тоже становятся уже не частным фактом чьей-то личной жизни, а приобретают эстетическую значимость.

Список источников

1. Авдеева Г.А. Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях Г. Щербаковой // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2013. № 3 (22). С. 79 – 92.
2. Авдеева Г.А., Наймушина Е.А. Функции стилистически окрашенной лексики в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2024. № 3. С. 26 – 37.
3. Авдеева Г.А., Шамова Ю.П. Типы нарраторов (рассказчиков) в романе Е. Водолазкина «Чагин» // Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин в школе и вузе: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 27 января 2023 года. М.: Мир науки, 2023. С. 190 – 199.
4. Агеева Н.А. К вопросу о границах фикциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой // Филология: научные исследования. 2023. № 8. С. 12 – 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-granitsah-fiksionalsti-rasskazannogo-sobytiya-kazhdye-sto-let-roman-s-dnevnikom-a-matveevoy> (дата обращения: 22.07.2025).
5. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф: ООО «Полнос», 2001. 816 с.
6. Волкова А.Е. Эмоционально окрашенная лексика: понятие, виды и классификация // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 125 – 127.

7. Голуб И.Б. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018. 455 с.
8. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 4-е изд. М.: Флинта, 2008. 464 с.
9. Матвеева А.А. Каждые сто лет: роман с дневником. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 758 с.
10. Салханова Ж.Х., Утебекова А.С. Дневник как литературный жанр // Неофилология. 2020. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-kak-literaturnyy-zhanr> (дата обращения: 22.07.2025).
11. Семьян Т.Ф., Выборнова Л.В. Особенности нарративной организации романа А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2023. № 4. С. 106 – 111.
12. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 944 с.
13. Шмид В. Нарратология: учебное пособие по теории повествования. М.: Языки славянской культуры, 2003. 472 с.

References

1. Avdeeva G.A. Stylistic marked (colored) vocabulary in the works of G. Shcherbakova. Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity. 2013. No. 3 (22). P. 79 – 92.
2. Avdeeva G.A., Naimushina E.A. Functions of stylistic colored vocabulary in the novel by E. Vodolazkina "Aviator". Scientific notes of NTGSP. Series: History and philology. 2024. No. 3. P. 26 – 37.
3. Avdeeva G.A., Shamova Yu.P. Types of narrators (storytellers) in the novel by E. Vodolazkin "Chagin". Actual problems of studying and teaching philological disciplines in school and university: materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Nizhny Tagil, January 27, 2023. Moscow: World of Science, 2023. P. 190 – 199.
4. Ageeva N.A. On the issue of the boundaries of the fictionality of the narrated event. "Every Hundred Years. A Novel with a Diary" by A. Matveeva. Philology: scientific research. 2023. No. 8. P. 12 – 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-granitsah-fiktionalisti-rasskazannogo-sobytiya-kazhdye-sto-let-roman-s-dnevnikom-a-matveevoy> (date of access: 22.07.2025).
5. Large dictionary of foreign words. Compiled by A.Yu. Moskvina. Moscow: ZAO Izd-vo Tsentropoligraf: ООО "Polus", 2001. 816 p.
6. Volkova A.E. Emotionally colored vocabulary: concept, types and classification. Young scientist. 2021. No. 16 (358). P. 125 – 127.
7. Golub I.B. Stylistics of the Russian language and culture of speech: a textbook for academic bachelor's degrees. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 455 p.
8. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A. Stylistics of the Russian language: textbook. 4th ed. M.: Flinta, 2008. 464 p.
9. Matveeva A.A. Every Hundred Years: A Romance with a Diary. M.: AST Publishing House: Editorial office of Elena Shubinaya, 2022. 758 p.
10. Salkhanova Zh.Kh., Utebekova A.S. Diary as a literary genre. Neophilology. 2020. No. 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-kak-literaturnyy-zhanr> (date of access: 22.07.2025).
11. Semyon T.F., Vybornova L.V. Features of the narrative organization of A. Matveeva's novel "Every Hundred Years: a novel with a diary". Bulletin of SUSU. Series "Social and Humanitarian Sciences". 2023. No. 4. P. 106 – 111.
12. Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language Changes at the End of the Twentieth Century. Edited by G.N. Sklyarevskaya. Moscow: ООО "Izdatelstvo Astrel": ООО "Izdatelstvo AST", 2001. 944 p.
13. Schmid V. Narratology: a tutorial on narrative theory. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 472 p.

Информация об авторах

Авдеева Г.А., кандидат филологических наук, доцент, Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал) Уральского государственного педагогического университета, г. Нижний Тагил, g_avdeeva_64@mail.ru